

**«Угнетенные чрезвычайным рабством»:
об одном стереотипе восприятия русских европейцами
первой половины XVI в.**

(статья опубликована в изд.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики.
2002. N 3 (9))

Важным источником сведений по истории Восточной Европы, и Московской Руси в частности, становятся, начиная с последних десятилетий XV в., сообщения о ней иноземцев. Эти сообщения дополняют данные русских документов, а во многих случаях предоставляют уникальные материалы по тому или иному вопросу.

Впрочем, время тотального доверия к подобного рода источникам, характерного для отечественной историографии XIX в., безвозвратно прошло. Перед сегодняшними исследователями России XV-XVI вв. стоит вопрос, в какой мере на них можно полагаться и как их следует воспринимать. Критический анализ текстов иноземцев о России предполагает соединение усилий исследователей как отечественной, так и зарубежной истории соответствующего периода. Отечественные историки должны показать, какие сообщения иностранцев подтверждаются, какие уточняются, а какие опровергаются сведениями русских документов. Исследователи зарубежной истории способны пролить свет на политические, коммерческие, познавательные и идеологические цели авторов повествований о нашем отечестве. Речь должна, однако, идти не только о сознательных установках этих авторов в качестве представителей той или иной страны и народа, той или иной политической группировки, ученой традиции, религиозной конфессии, но также о более общих принципах мирозерцания, которые очень часто произвольно определяли их подход к восприятию другой действительности, к подбору материала для ее описания, заявляли о себе в интерпретации приводимых фактов, оценочных

суждениях и выводах. Влияние этих мировоззренческих принципов, пожалуй, заметнее всего прослеживается в стереотипах, т. е. в устойчивых и широко распространенных представлениях, которыми из сочинения в сочинение характеризуется описываемая действительность.

Какие именно представления о России XVI в. становятся стереотипными, лучше всего показывают не специальные, а общие сочинения по космографии. Они являются по сути компиляциями материалов, взятых из разных источников, и, хотя, как правило, в силу этого не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной, ни новизной сообщаемой информации, тем не менее интересны тем, что позволяют выявить общепринятый взгляд на тот или иной предмет. В качестве своего рода справочной литературы они имели наибольшее хождение среди образованных кругов Европы.

В сознании европейцев XVI в. широко распространено было представление о «рабстве русских». У Матвея Меховского, автора историко-космографического «Трактата о двух Сарматиях», впервые опубликованного на латинском языке в 1517 г. в Кракове, а затем многократно переиздававшегося (в том числе и в переводах на национальные европейские языки), сказано: «Есть еще в тех странах – в Литве, Московии и Татарии – исконный обычай продавать людей: рабы продаются господами, как скот (*tanquam pecora*), и дети их и жены; мало того бедные люди, родившиеся свободными, не имея пропитания, продают своих сыновей и дочерей, а иногда и самих себя, чтобы найти у хозяев какую-нибудь, хоть грубую пищу»¹. У Матвея Меховского речь идет о рабах как социальном слое русского общества и об одном из способов их пополнения – закабалении свободных в результате их хозяйственной несостоятельности, неспособности себя прокормить; упомянуто также патриархальное право родителей продавать своих детей. Сходным образом о рабах как социальном явлении,

¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. II. I. 3. Перевод С.А.Аннинского. М.;Л., 1936. С. 112, 188.

присущем литовскому (читай: западнорусскому) обществу, писал предшественник Меховского польский хронист Ян Длугош, указывая, что эта категория пополняется как за счет самовоспроизводства, так и за счет неспособности некоторой, конечно же, наиболее бедной части свободных платить налоги или судебные штрафы, которые в их стране очень высоки².

А вот у Иоганна Боемия в его этно-космографическом компилятивном обзоре «Нравы, законы и обычаи всех народов, почерпнутые у многих прославленных писателей», вышедшем вскоре после сочинения Меховского, в 1520 г., в Аугсбурге, и затем неоднократно переиздававшемся в том числе и в переводе на новые языки, о рабстве русских сказано совсем в другом ключе – как о явлении, характеризующем с невыгодной, разумеется, стороны, нравственный уровень этого народа: «Большая часть русских [Rusianorum, в итальянском переводе: Rossiani] добровольно становятся рабами, ибо многие, в их числе также и благородные, продают себя, жен и детей; и поступают они так то ли чтобы благодаря этому пользоваться большим досугом, то ли чтобы вкушать большее наслаждение»³. Здесь подчеркнута убогость нравственной природы русских, ради низких целей – безделья, наслаждения – жертвующих свободой и предпочитающих рабство. Причем рабство русских, по Боемию, – это уже не столько состояние какой-то определенной категории населения, самой низкой в социальной иерархии и полностью лишенной любых прав

² См.: Меховский М. Указ соч. С. 254 N 186.

³ “Pars multo maxima Rusianorum seruitutem seruiunt, nec inuiti, multi quidem et in his nobiles etiam se coniugem et liberos uenditant: aut quia sic maiore otio fruuntur aut quod maiore uoluptate” (Omnium gentium Mores, Leges et Ritus ex multis clarissimis rerum scriptoribus, à Ioanne Boëmo Aubano Teutonico nuper collecti, et nouissime recogniti. III. VI. Lugduni, 1589. P. 174 См. также итальянский перевод: I costumi, le leggi, et l’usanze di tutte le genti... per Giovanni Boemo Aubano Alemanno. Tradotti per Luci Fauno. Vinetia, 1564. P. 113v).

(включая право распоряжаться собой), сколько черта, характеризующая все общество, черта *общенародная*.

Невнимательный компилятор, Боемий не заметил и не устранил разногласия этих своих утверждений с информацией, приведенной немногим выше и, по-видимому, заимствованной им из другого источника, - будто русским ненавистно имя царя (букв.: короля, *Regium nomen*; в итальянском переводе – *il nome di Re*) и того, кто правит и повелевает всем народом, они предпочитают называть именем князя (буквально: герцога, *ducis appellationem*) как более приемлемым, угодным народу; и он от других отличается только тем, что носит чуть более высокий головной убор⁴. Мало похоже, что такой народ, не позволяющий даже верховному правителю особенно выделяться, может предпочитать рабство.

Другой немецкий космограф, известный гуманист, корреспондент Эразма Роттердамского и близкий друг Альбрехта Дюрера, Виллибальд Пиркгеймер в популярной книжечке «Краткое описание Германии, составленное на основе разных авторов», первым изданием вышедшей в 1530 г. в Нюрнберге, упоминал о русских как о грубом и весьма варварском народе, угнетенном чрезвычайным рабством; у них, как и у турок, все, принадлежащее им, считается господским, и государи Московские располагают правом собственности по отношению ко всякому имуществу⁵. Русские изображены

⁴ “Inuisum genti Regium nomen: iccirco ducis appellationem libentius usurpant, ut magis popularem: qui ibi rerum potitur, dux dicitur, qui in totam gentem Imperium obtinet: huic pileus paulo elatior quam caeteris proceribus, caetero nihil ab alijs differens...” (*Omnium gentium mores...* P. 173; *I costumi, le leggi...* P. 113r).

⁵ “Sunt autem gentes illae incomptae ed admodum barbarae, extremae praeterea seruituti subiecta, ita vt omnia, quemadmodum inter Turcas, dominorum propriae esse censeantur. Principesque Moscouiae cunctarum rerum proprietatem habeat: usum fructum vero subditis vtendum relinquat, non diutius tamen, quam sibi

как представители какого-то другого мира, чуждого, а лучше сказать в своих главных характеристиках противоположного устоям мира европейского – ибо они не знают культуры (они, как сказано, грубы), цивилизации, или прочного гражданского порядка (они – варвары), свободы (они угнетены рабством), Как и Матвей Меховский⁶, Пиркгеймер порядки русских сравнивал с принятыми у турок. Впрочем, в качестве высокопоставленного должностного лица Священной Римской Империи Пиркгеймер мог черпать материал и из других источников, в частности из не опубликованных к тому времени отчетов о посольствах (или из записок) ездивших к российскому государю с дипломатическими миссиями Сигизмунда Герберштейна и Франческо да Колло (не исключено также, что Пиркгеймер мог встречаться с ними и опираться на их устные суждения о посещенной ими стране).

Как бы то ни было, образ русских и их державы, лишь эскизно набросанный Пиркгеймером, целиком соответствует тому, который в более подробных чертах был создан Франческо да Колло и Герберштейном, имевшими возможность лично увидеть Россию. Да Колло это сделал в 1518-1519 гг. в качестве посла императора Максимилиана I к Василию III. В оставленном им сочинении «Переговоры о мире между Светлейшим королем Польши Сигизмундом и Великим князем Московским Василием», которое дошло до нас не в латинском оригинале, а в не самим автором выполненных переводах на итальянский язык (один из них был опубликован в Падуе племянником автора Латино да Колло в 1603 г.) он представлял Россию как варварское, не имеющее какого-либо твердого правового порядка, тираническое государство. «Нет здесь никакого писаного закона, - сказано у Да Колло, - но Князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены,

placet” (*Germaniae ex variis scriptoribus perbrevis explicatio Authore Bilibaldo Pirckeymero. Norembergae, 1530. Sig. C 4v*).

⁶ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. II. II. 1. С. 116, 192.

что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию... все имущество, не только общественное, но и частное,... принадлежит сему Князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра...»⁷.

Такому положению вещей соответствует и то, что «людей в этих областях и во всей стране вышеназванного Князя продают, как куриц и других животных (*come de'polli, et altri animali*), на рынке, их продают и о них заключают договоры. Отцы и матери приводят на ярмарки и рынки детей и продают их для удобства (*per commodo* – в данном случае точнее: «для нужд») покупателей за ничтожную цену»⁸. Бросается в глаза близость этого отрывка о торговле людьми к тому, что писал в этой связи Матвей Меховский; правда, польский автор оговаривал, что речь идет о торговле определенной социальной категорией людей – рабами (*servi*), у Да Колло таких уточнений нет, он писал о людях вообще (*le persone... sono Venali*) как объектах коммерческих операций. Сходство с Матвеем Меховским у Да Колло не случайно: итальянский дипломат отлично знал трактат Меховского, и едва ли не главная цель его сочинения заключалась в том, чтобы подтвердить наличие в Восточной Европе Рифейских и Гиперборейских гор, хотя польский автор доказывал, что все сообщения о них ложны⁹. Итак, Да

⁷ *Collo Fr. da. Trattamento di Pace tra il serenissimo Re di Polonia, et gran Basilio Prencipe di Moscovia. Padoa, 1603. Sig. N 3 v-N 4 r.* Выше цитирован перевод О.Симчич, напечатанный вместе с фрагментом итальянского текста, опубликованного Латино да Колло: *Колло Фр. да. Доношение о Московии.* М., 1996 С. 46, 58, 59.

⁸ *Ibid.* Sig. P 1 r. С. 53, 66.

⁹ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. I. III.1; II. I. 3; II. II. 2. С. 84, 110, 116, 163, 186, 192; *Collo Fr. da.* *Op. cit.* Sig. 0 3 v-0 4 v; С 51, 52, 63-65. См. в этой связи: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 84-90; *Симчич О.*

Колло использовал свой авторитет человека, бывавшего в пределах Московской Руси, чтобы рассеять сомнения в существовании там Рифейских и Гиперборейских гор, откуда, как полагала давняя, восходящая к античности космографическая традиция, берут начало великие реки Восточной Европы¹⁰.

Это заставляет осторожней подойти к другим его сведениям о Московии. В частности, какими собственными наблюдениями он может подкрепить утверждение о повсеместной торговле людьми в стране москвитов? «Скажу больше, - пишет Да Колло, - в городе Московии некоторые из наших [конечно же, не он сам! – *О.К.*] купили несколько молоденьких девиц (*alcune giouanette*) от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия (*per loro uso e delectatione*), всего за один дукат или унгар...»; далее он пишет, что дети, родившиеся от этих девиц, остаются во власти покупателей¹¹. Но в данном случае речь скорее всего идет не о торговле, а о, так сказать, «аренде» живого товара для специфических целей – сексуальных услуг, явлении, присущем отнюдь не только обществам, широко практикующим торговлю людьми. Заключительное заявление о том, что это «запрещается нашими законами божественными и человеческими» (*reprobato dalle leggi nostre diuine, et humane*)¹² имело в виду противопоставить, как он считал, благие, человеколюбивые, христианские порядки Европы нравам варварского мира, Московии. Правда, здесь Да Колло явно необъективен: ведь эти «божественные и человеческие законы» -

Дипломатическая миссия посла Максимилиана I Франческо да Колло и его
 “*Relatione di Moscouia* // Колло Фр. да. Доношение о Московии. С. 16-18.

¹⁰ Подробнее об этой традиции и ссылки на источники см. комментарии О.Ф.Кудрявцева к трактату Альберта Кампенского «О Московии»: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 127, 128 N 71.

¹¹ *Collo Fr. da. Trattamento di pace...* Sig. P 1 r-v; С. 53, 66.

¹² *Ibid.* Sig. P 1 v; С. 53, 66.

о чем он не мог не знать – не мешали его соотечественникам, прежде всего генуэзцам и венецианцам, участвовать в широкомасштабной работорговле в Причерноморье и восточном Средиземноморье и хорошо наживаться на ней¹³.

Как это ни покажется странным, но Сигизмунд Герберштейн, самый авторитетный из описателей Московской Руси Василия III, дважды, в 1517 и 1526 гг., посещавший ее, в своих «Записках о Московии», которые первым изданием вышли по-латыни в Вене в 1549 г., а затем многократно переиздавались на языке оригинала и в переводах, лишь подитожил и, пожалуй, полнее развернул картину «рабства русских», в главных чертах уже сложившуюся в трудах его предшественников. «Этот народ [т.е. москвиты – О.К.], - повторяет Герберштейн знакомую мысль, - находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе»¹⁴. В доказательство этого утверждения он рассказывает о том, как рабы, получающие от господ свободу, тотчас продают себя в рабство за деньги другим господам¹⁵. Мнение Б.Д.Грекова, усмотревшего в этих словах свидетельство массового отпуска

¹³ Эта тема широко обсуждается в историографии. Укажем здесь лишь несколько работ: *Verlinden Ch.* Ortodoxie et esclavage au bas moyen-âge // *Mélanges Eugène Tisserant*. Città del Vaticano, 1964; *Gioffè D.* Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Genova, 1971; *Ballard M.* La Romanie génoise (XIIe-début du XVe siècle). Genova; Roma, 1978; *Pistarino G.* I gin dell'oltremare. Genova, 1988.

¹⁴ “Gens illa magis seruitute, quam libertate gaudet” (*Herberstain S.* *Rerum moscoviticarum commentarii*. Basileae, 1556. P. 49). Ср. в немецкой редакции «Записок»: “Das uolckh ist also naturt, das sy sich der Aigenschafft mehr dan der freyhait beruemen” (*Herberstain S.* *Moscouia der Hauptstat in Reissen*. Wien, 1557. Sig. H iv r). См. также: *Герберштейн С.* Записки о Московии. Перевод А.И.Малеина и А.В.Назаренко. М., 1988. С. 112.

¹⁵ *Ibid.*; Там же.

холопов, справедливо оспорено в историографии¹⁶; и все же стоило бы выяснить, какая черта русской действительности может проглядывать за этими словами Герберштейна; и это еще предстоит сделать. Равно как и в отношении другого его утверждения – о патриархальном обычае отцов продавать сыновей, причем не более трех раз, если детям дважды удавалось обрести каким-либо путем свободу¹⁷. Как бы то ни было, оба примера дают предостаточно оснований для вывода о приверженности *народа* (именно народа как целого) к рабству.

Серьезней выглядит утверждение Герберштейна о том, что «все они [русские, москвиты – *О.К.*] называют себя холопами, т.е. рабами государя»¹⁸. Да и как иначе им себя именовать, если этот государь, как сказано, «всех одинаково гнетет жестоким рабством» (*omnes iuxta, dura seruitute premit*), заставляя беспрекословно выполнять любое его повеление, распоряжаясь по своей воле жизнью и имуществом каждого из своих советников, не говоря уже о прочих людях – как мирянах, так и духовных¹⁹. Разными способами Герберштейн стремился показать, что в России не только известно или даже широко принято рабство (подразумевающее право на владение и торговлю людьми), но что Россия – это страна тотального рабства, и проявляется оно в абсолютной власти государя над всеми и каждым. Даже хлебы на великокняжеском пиру, «имеющие вид лошадиного хомута», проще говоря калачи, призваны, по твердому убеждению

¹⁶ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960. С. 258-260; Зимин А.А. Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в. М., 1973. С. 109-112, 318, 319, 334.

¹⁷ *Herberstain S. Rerum...* P. 49; *Idem. Moscouia...* Sig. H iv r; *Он же. Записки...* С. 112.

¹⁸ “omnes se Principis chlopos, id est seruos fatentur” (*Ibid.*; Там же).

¹⁹ *Ibid.* P. 14, 15. В немецкой редакции: “Hellt alle und yede in gleicher dienstparkhait” (Sig. C iii v). В русском изд.: С. 72-74.

Герберштейна, знаменовать «для всех, их вкушающих, тяжкое иго и вечное рабство» («которым они его [хлеб] заслуживают», - добавлено в немецкой редакции «Записок о Московии»)²⁰.

Установившийся в России государственный строй Герберштейн определял как «тиранию» (*tyrannis, schwaere Herrschafft, grausame Herrschafft*). Стоит заметить, что по представлениям образованного европейца ренессансной поры, хорошо усвоившего политическую доктрину классической античности, которая формы правления подразделяла на правильные и неправильные, или извращенные, тирания принадлежала к числу последних и оценивалась как самая дурная среди них, будучи вырождением монархической формы, наилучшей среди правильных. Тиранией считалось не самовластье вообще, но лишь такое, которое переходило в полный произвол, попирающий все человеческие законы и божественные установления. Поэтому в подобной характеристике российских государственных порядков заключался уже и приговор им. Не без лукавства, как бы следуя установкам входящего тогда в моду скептицизма, Герберштейн не стал искать ответа на вопрос, «то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким»²¹; но самой постановкой этого вопроса Герберштейн указал на

²⁰ “Panis praeterea formam helciji equini habentes, mea opinione, omnibus ijs uescentibus, durum iugum et perpetuam seruitutem designant” (*Herberstain S. Rerum... P. 128*); “sy haben schoen weiss Prot, ist in form aines Rosskhumat, nach meiner ausslegung die dasselb gemeingelichen geniessen, im herten Joch und schwaerer dienstperkhait dasselb uerdien muessen” (*Herberstain S. Moscouia... Sig. S ii r*). См. русский перевод: С. 217, 216б.

²¹ “Incertum est, an tanta immanitas gentis tyrannum principem exigat: an tyrannide Principis, gens ipsa tam immanis, tamque dura crudelisque reddatur” (*Herberstain S. Rerum... P. 15*); “Es ist ain zweyfel, ob ain solch uolckh ein solche schwaere Herrschafft haben muess, oder ob die grausame Herrschafft ain solch

соответствие между тиранией московского правителя и моральным обликом обитателей его государства. В самом деле, каких других порядков, кроме тиранических, достоин народ, предпочитающий рабское состояние, находящийся, как было сказано, в нем «больше удовольствия», одним словом – являющийся рабом по своей природе? Ведь он, этот народ, неспособен вести упорядоченную законом гражданскую жизнь и может быть послушен только власти, не знающей в его отношении никаких ограничений. Для европейца, воспитанного в традициях ренессансного гуманизма, свобода есть фундаментальное свойство человеческой природы, ею обосновывалось его достоинство и высокое предназначение в качестве земного бога» (*deus terrenus, deus in terris*), его способность творить себя самого и окружающий мир²². Поэтому добровольный отказ от свободы и приверженность рабству – что находил в русских Герберштейн – должны были восприниматься как некий изъян души, как своего рода нравственная извращенность, а, в конечном счете, как их ущербность и неполноценность в качестве людей. Подобное представление о русских, которое получал читатель «Записок о Московии», служило Герберштейну одним из аргументов в пользу того,

ungeschickht uolckh macht” (*Herberstain S. Moscouia... Sig. C iv v*). См. русский перевод: С. 74.

²² См. сочинения Джаноццо Манетти, Марсилио Фичино, Джованни Пико делла Мирандола, Шарля де Бовеля, Агриппы Неттесгеймского, Хуана Луиса Вивеса в кн.: Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. Составитель О.Ф.Кудрявцев. М., 1996. См. также в этой связи работы: *Garin E* La “*dignitas hominis*” e la litteratura patristica // *La Rinascita*. 1938. Vol. 1. N 4. P. 102-146; *Trinkaus Ch.* In our image and likeness: humanity and divinity in Italian humanist thought. Chicago, 1970. Vol. 1-2; *Кудрявцев О.Ф.* Самовластье человека: преломление одной гуманистической идеи в «Утопии» Томаса Мора // *Средние века*. М., 1993. Вып. 56. С. 174-190; М., 1994. Вып. 57. С. 158-169.

чтобы преподнести Россию как дикий, варварский, азиатский мир, враждебный всем выработавшимся в Европе принципам гражданского устройства, нравственности и культуры²³.

Так был сформирован в сознании европейцев один из наиболее стойких и расхожих стереотипов характеристики русских. Возник он отнюдь не у Герберштейна, и не исключено, что габсбургский дипломат в своем восприятии, а затем и описании российской действительности сам оказался под сильным его влиянием (этот вопрос пока остается открытым). Однако «заслуга» (или лучше сказать – важная роль) Герберштейна в том, что исходные черты этого стереотипа были приведены к единству: рабство было показано в его сочинении не только как явление социальное (рабы как особая категория общества) и хозяйственное (в частности, купля-продажа людей), но и в более широких проекциях, в виде, с одной стороны, всеобщего, навязываемого тиранической властью, внешнего рабства (или рабства политического), с другой – в виде ущербной нравственной природы людей, тяготящихся свободой и предпочитающих ей состояние зависимости.

²³ В этой связи см. подробнее работу: *Кудрявцев О.Ф. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению. СПб., 2002.*